

Роман
Сенчин
ЕЛТЫШЕВЫ

Роман

Лауреат премий

БОЛЬШАЯ КНИГА,
ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Новая русская классика

Роман Сенчин
Елтышевы.

«Издательство АСТ»

2009, 2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сенчин Р. В.

Елтышевы. / Р. В. Сенчин — «Издательство АСТ», 2009,
2022 — (Новая русская классика)

ISBN 978-5-699-35738-3

Роман «Елтышевы», знаковый для нулевых годов, надолго задал литературе особую тему «обычной российской семьи». Кто они? Они – «народ»? Насколько мы – Елтышевы? Что кроется в нашем характере, если надежды почти всегда оборачиваются крахом, радость – привычкой, природа – врагом, сила – вседозволенностью? Что эти и другие елтышевы сделали (или не сделали) для себя и страны двадцать лет назад? Новое издание дополнено ретроспективной рецензией и современным взглядом на роман критика Константина Мильчина.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-35738-3

© Сенчин Р. В., 2009, 2022
© Издательство АСТ, 2009, 2022

Содержание

Елтышевы	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	34
Глава седьмая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Роман Валерьевич Сенчин

Елтышевы

© Сенчин Р.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Елтышевы

Глава первая

Подобно многим своим сверстникам, Николай Михайлович Елтышев большую часть жизни считал, что нужно вести себя по-человечески, исполнять свои обязанности, и за это постепенно будешь вознаграждаться. Повышением в звании, квартирой, увеличением зарплаты, из которой, подкапливая, можно собрать сперва на холодильник, потом на стенку, хрустальный сервиз, а в конце концов и на машину. Когда-то очень нравились Николаю Михайловичу «Жигули» шестой модели. Мечтой были.

Что-то, конечно, сбывалось. Дали двухкомнатную квартиру; правда, получая ключи, ни сам Николай Михайлович, ни жена не придали значения тому, что квартира эта ведомственная, – просто ликовали. Квартира была просторной, казалась огромной, и двое сыновей, девятилетний Артем и шестилетний Денис, даже носясь по ней ураганом, разбрасывая игрушки, не мешали, не путались под ногами как раньше. Каждому было в квартире место... В звании художбедно, но повышали – от сержанта до старшего лейтенанта Николай Михайлович продвигался почти в соответствии с выслугой лет. И зарплата тоже позволяла подкапливать, и в восемьдесят седьмом купили машину, пусть не шестую модель, а третью, с рук, с пробегом сорок тысяч километров, но все же... Плохо, что место под гараж долго не давали – стояла машина во дворе, постепенно поедаемая по низу кузова ржавчиной. Зато потом удалось купить гараж готовый – заливной, с печкой, подвалом, смотровой ямой. Отличный гараж. А когда «жигули» износились – продали на запчасти, добавили денег, взяли «москвич» двадцать один сорок один.

Да, до поры до времени жизнь текла пусть непросто, но в целом правильно, как должно. Вместо черно-белого «Рекорда» появился сначала цветной «Рубин», а потом «Самсунг»; вместо громоздкого фанерного серванта – высокая изящная вместительная стенка. Старший сын, Артем, окончил школу, и не восьмилетку, как когда-то Николай Михайлович (вынужден был идти работать – матери четверых детей было не прокормить), готовился поступать в пединститут, на истфак; младший учился в школе неплохо, боксом занимался. Жена работала в центральной библиотеке города...

Тот момент, когда, как в сказке про богатыря, нужно было выбрать путь, по которому двинуться дальше, Елтышев проспал. Точнее, не момент это был, а несколько тягостных и в то же время суматошных, переломных, как оказалось, лет. Да и не спал Николай Михайлович, а наблюдал, взвешивал, примеривался, не веря, что ход жизни ломается всерьез и появляется шанс вырваться вперед многих.

Позже, больно сжимая кулаки, Николай Михайлович вспоминал, как ему предлагали увольняться со службы, «заняться делом», «вступить в долю», как появлялась то одна, то другая возможность действительно изменить судьбу. Но он не решался. Может, и правильно поступил – нескольких человек из тех, кто предлагал, быстро не стало, убили, еще нескольких посадили, но некоторые жили теперь так, что не подойти – они на другом уровне. Хм, как в сложной компьютерной игре, на выигрыш в которой можно потратить годы... Да, не согласившись пойти с ними, испытать те опасности, что ждали на пути к настоящему, теперь приближаться к победителям Елтышев не имел права. Нужно было или смириться со своей участью, или попробовать их догнать, а значит, стать их конкурентом, соперником. Правда, исчезли уже те возможности, какие были в начале девяностых, когда с нуля – горлом, кулаками, за бутылку коньяка – можно было завести свое дело. Открыть бизнес. Да и возраст... Пятьдесят все-таки.

Постепенно росло, обострялось раздражение. Раздражала съездившаяся от вещей и выросших сыновей, располневшей жены квартира; раздражало гудение газовой колонки, кото-

рой когда-то, после житья в бараке, так радовались; раздражала служба, однообразная, отупляющая, несмотря на все усилия, не приносящая нормальных денег; раздражали дорогие машины на улицах, нарядные витрины, пестрые людские ручки на тротуарах. И самое обыденное раздражало: каждый вечер, раздевшись, ложиться в кровать, зная, что уснет нескоро; еда раздражала, вся какая-то безвкусная, пресная, но которую необходимо запихивать в рот, разжевывая попорченными зубами, глотать; шнурки раздражали, выщербленная бетонная лестница в подъезде... «Вот так всё это и будет, – долбилося в мозгу чугунной гирькой, – так и будет». И иногда вдруг прокалывала боязливая, почти старческая мысль: «Лишь бы не хуже».

Но многие завидовали Николаю Михайловичу. После длинной очереди, нешуточной борьбы ему удалось получить должность, считавшуюся бластной: дежурный по вытрезвителю. И поначалу Елтышев радовался каждому дежурству – дежурил сутки через трое, – ожидал чего-то чудесного... Да нет, не «чего-то», а вполне реального пьяного вусмерть богатея с набитыми деньгами карманами.

Случаи такие, если верить вытрезвительским преданиям, бывали, и тогда дежурные сами в мгновение ока становились богатыми. А один за пару месяцев собрал таким образом себе на «тойоту»...

Елтышеву не то чтобы совершенно не везло, но приработок был неизменно мелким, оскорбительно убогим, и дежурство в основном уходило на пустую грязную возню с подзаборными алкашами. И в конце концов он потерял веру в счастливый случай, на дежурство шел через силу, с чувством обиды. Обиды, хоть и старался в этом не признаваться, на самого себя.

Та, как оказалось, последняя смена началась обыкновенно – к пяти часам вечера двадцать четвертого апреля две тысячи второго года выпавшийся, плотно пообедавший, но какой-то застарело усталый Елтышев вошел в дежурное помещение.

Вытрезвитель размещался в самом центре города, но со стороны был неприметен – так, одноэтажное серое зданье с маленькими пыльными окнами. Но знающие, что находится здесь, старались обходить его подальше, тем более если были подшофе. И только милиционеры, врачи и родственники попавшихся шли сюда прямой дорогой, открывали толстую деревянную дверь и на время исчезали в темном, душном, жутковатом мирке...

В дежурке по разные стороны стола сидели старлей Пахомин, у которого Елтышеву предстояло принять суточную вахту, и парень лет двадцати пяти. Парень съездившийся, словно замерзший, лицо кислое.

– Ты пойми, – негромко, но убедительно, веско говорил Пахомин, – что выйти отсюда ты можешь, только уплатив штраф. Э? Двести шестьдесят четыре рубля. Сто двадцать у тебя имеется при себе. Нужно еще... Э-э... Еще сто сорок четыре. Округляем – сто пятьдесят. Э?

Николая Михайловича раздражало это дебильноватое пахоминское «э», но и сам он – замечал за собой – в разговоре с такого рода клиентами то и дело употреблял нечто подобное. Чтобы понятней было.

– Ну я же говорил сколько раз, – замямлил парень, – у меня нету...

– Найди, – перебил Пахомин. – Займи. Есть родственники, знакомые. Мы тебя свозить даже можем. Э? Мы возим.

Парень подвигал плечами. Молчал.

– С-слушай, – Пахомин начал терять терпение, – у тебя ни паспорта нет, никаких документов. В курсе – э? – я тебя могу на трое суток оформить. До выяснения личности. Как?

Парень молчал.

Николай Михайлович приподнял руку, взглянул на часы. До начала дежурства оставалось двадцать минут. А еще надо дела принять.

– Слушай, Виталий, – обратился он к Пахомину нарочито небрежно, даже как-то с веселинкой, – а вези его в отдел и оформляй на пятнашку. Чего нянчиться? Акт составите, что оказывал сопротивление, тут всю ночь колобродил...

Пахомин подхватил:

– Да, пускай пометет улицы, а лучше – сортиры попидорит. Я позабочусь. Э? – Захлопнул папку с квитанциями. – Давай поднимайся, – велел парню, – поехали в ГОВД. Там ночь перекантуешься, а завтра – суд.

– Ну, это, – парень испугался, – я же...

– Чего еще? – Старлей распалял себя. – Давай-давай.

– У меня тетка... У нее можно попробовать. Но она убьет.

– Кого это убьет? – показно насторожился Елтышев.

– Ну, меня. Что я здесь...

– И правильно. Пить надо меньше. А оплату услуг медвытрезвителя еще никто не отменял. Э? – Пахомин обернулся к курящему возле обезьянника сержанту. – Серег, свози уважаемого. Далёко тетка-то живет?

– Да нет, не очень. За автовокзалом там...

– И ладушки. Найдешь сто пятьдесят рублей – возвращаем вещи, и гуляй-отдыхай.

Сержант вывел парня. На улице завелся уазик.

Пахомин изможденно отвалился на спинку стула, прикрыл глаза.

– О-ох-х...

– Как оно? – зная ответ, из приличия спросил Елтышев.

– Да хреново. Одна нищета опять... Спать хочу... Еще этого мутанта ждать.

Елтышев покивал.

– Давай дежурство пока приму.

– Дава-ай.

Спустились в подвал, где в основном и размещался вытрезвитель, заглянули в камеры-палаты, в туалет, раздевалку. Всё было в порядке. Поднялись обратно в дежурное помещение. Елтышев расписался в журнале.

– Что, накатим трофейной? – слегка повеселев, предложил Пахомин; выдвинул ящик стола. – «Московская» есть, «Колесо фортуны», «Земская». Э, какую?

– Без разницы... «Колесо».

Старлей достал бутылку, покрутил оценивающе.

– Да вроде нормал. И мужик приличный, с портфелем. Какой-то юбилей, говорит, отмечали, переборщил.

– Наливай.

Алкоголем Николай Михайлович не увлекался, в запой не уходил, но выпить граммов двести всегда был не против. Водка действовала на него благотворно – не одуряла, а словно что-то смывала внутри, какой-то ядовитый налет.

У Пахомина оказалась и закуска – запечатанная нарезка лосося, круг копченой колбасы, беляши в целлофановом пакетики, шоколад... Всё это имели при себе попавшие в вытрезвитель за минувшие сутки.

– Ну, за удачу.

– М-да, удача не помешает.

Чокнулись пластиковыми стаканчиками...

Без нескольких минут пять появились двое сержантов и врачаха, полная, угрюмая бабенция с мужским лицом – те, с кем предстояло Елтышеву отработать предстоящие сутки.

В начале шестого вернулся с деньгами паренек, получил вещи, квитанцию и был отпущен.

– Ну, всё, – выдохнул Пахомин, сложив бутылки и еду в сумку. – Счастливо!

Николай Михайлович уселся за стол, огляделся, привыкая к помещению, стулу, обстановке.

Дежурка невелика, сумрачна, и несколько ламп не могут наполнить ее светом, жизнью... Стены шершавые, окрашенные в бледно-зеленый цвет; два окна, зарешеченные, заросшие пылью, кажутся черными провалами. Вдоль стен – скамейки без спинок, слева от входа – узкий обезьянник для буйных задержанных; стол стоит напротив входа, и почти за спиной Николая Михайловича – лестница. Скоро по ней поволокут пьяных, и снизу будут лететь крики, рычание блюющих и матерящихся алкашей. «Ох, как всё надоело», – поморщился Елтышев.

Рядом с ним устроилась врачиха в белом, но застиранном до серости халате, открыла термос и чашку, налила кофе... Она никогда не пользовалась казенной посудой, электрочайником – всё приносила из дому. «Брезгуй, брезгуй». И Николаю Михайловичу представилось, что она вдруг заболевает какой-нибудь кожной болезнью. Сыпь, раздражение, гнойники...

Он выдвинул ящик, где лежала оставленная Пахоминым ополовиненная бутылка «Колеса фортуны», стаканчики, шоколадка. Позвал сержантов:

– Что, орлы, перед работой по капле? За хорошую клиентуру...

Часов до десяти вечера было спокойно и скучно. Дэпээсники и пэпээсники, конечно, доставляли задержанных, но по одному, изредка. Все пьяные были немолодые, безденежные, как назло. Падали на стул перед столом, за которым сидели Николай Михайлович и врачиха, тупо мычали, вяло доказывали, что почти трезвы.

Сержанты обшаривали их карманы, снимали с запястья, у кого были, часы. Елтышев производил опись вещей, составлял акт, врачиха давала медицинское заключение.

Потом сержанты вели их вниз. Заставляли раздеться, выдавали одеяла, запирали в камерах-палатах. Возвращались в дежурку, курили, зевали.

А после десяти стало повеселей. То и дело к дверям подъезжали уазики и «жигули», в дежурку вводили или втаскивали клиентов. Двое-трое были в полном отрубе и при деньгах. Хоть и небольших, но все же. Радуюсь, что их не обобрали при задержании, Елтышев делал опись. Вместо «3320 рублей» у одного записал «1320 рублей», у другого вместо «2598 рублей» – «598 рублей». Мысленно получившиеся четыре тысячи поделил среди своих: по тысяче пятьсот им с врачихой, по пятьсот – сержантам.

Около двенадцати привезли сразу шестерых. Молодые парни, ершистые; пьяные, конечно, но больше – возмущенные задержанием. Одному даже руку пришлось заломить.

– У «Летучей мыши» взяли, – объяснил дэпээсник. – Там концерт сегодня, бухих будет до жопы.

– Вези-вези, – покивал Николай Михайлович. – Всем место найдем...

С парнями пришлось повозиться. Признать свое алкогольное опьянение они отказывались, то предлагали договориться, то начинали угрожать и хамить; тот, кому заламывали руку, утверждал, что он журналист.

– Ну-ка, журналист, – не выдержала обычно молчаливая врачиха, – присядь десять раз.

– Что?! Я вам кролик подопытный, что ли?

– Тогда оформляем, – врачиха взяла ручку. – Фамилия-имя-отчество?

– Да с какой стати?!

– С такой. У тебя налицо вторая степень. Давай-давай документы.

Назвавшийся журналистом матернулся и стал приседать. Его повело, завалился набок. Врачиха усмехнулась:

– Ну вот, а говоришь – нормальный.

– Да я устал просто!..

С горем пополам удалось обработать парней и спустить вниз. Денег при них оказалось в общей сложности тысяч пять, но забирать часть Елтышев опасался – все-таки не настолько пьяные. Еще начнут ходить куда-нибудь, заявы катать.

– Ох, жарко-то как, – выдохнула врачиха и достала из пакета бутылку с водой. – Лето совсем, а они всё отопление...

– На следующей неделе опять похолодание обещают, – без охоты ответил Николай Михайлович.

С этой врачихой они дежурили довольно часто, но, бывало, за сутки не обменивались и десятком фраз. Сидели за одним столом, а как бы и порознь, каждый выполняя свою работу. В конце смены делили деньги, расходились... Когда Елтышев наткнулся взглядом на огромное ее лицо, на толстые руки, его окатывало отвращение, и он с жалостью представлял мужа врачихи. На безымянном пальце врачихи, почти заросшее кожей, желтело обручальное кольцо... Как он с ней такой, бедолага...

Но тут же вспоминалась его собственная жена – тоже полная, тоже с окаменело-угрюмым выражением лица. «А ведь такой девчонкой была...» Когда была?.. Лет тридцать назад. А потом потекло, потекло, и нечего вспомнить, нечему удивляться... И не поймешь, когда вместо девчонки, от которой не отлипал, рядом оказалось привычное, необходимое, но неинтересное существо. Жена.

Подвозили новых, новых. Грязных и чистеньких, невменяемых и на вид почти трезвых, агрессивных и тихих; ячейки в сейфе заполнялись разным карманным барахлишком, в основном убогим и бесполезным. Денежных клиентов всё не было – так, мелочь, мелочь. Николай Михайлович сидел за столом, на своей половине, то и дело возвращаясь к подсчетам, сколько удалось уже за сегодня наварить, мечтал о приятном сюрпризе. Иногда подходил к двери на улицу, без аппетита курил горьковатую «Яву», без аппетита жевал остывшие домашние пирожки с картошкой. Пару раз глотал по полстаканчика водки, чтоб взбодриться. Поглядывал на часы.

Время тянулось изматывающе медленно, а около двух ночи, когда поток задержанных прекратился, почти остановилось. Теперь если и привезут кого, то уж точно подзаборника-обоссанца, вонючего бичару. Ловить больше нечего.

Врачиха достала книжку в мягкой обложке, посапывая от удовольствия, стала читать; сержанты сняли с сейфа нарды. Хм, у каждого занятие, а он что, Николай Михайлович Елтышев?..

Он не имел особенных увлечений, жил как-то всё по обязанности, а не для души. После восьмого класса пошел учиться на слесаря, потом два года работал на вагоностроительном заводе. Конечно, выпивали с ребятами, ходили на танцы; двое его сверстников занимались в самодеятельности и как-то неожиданно и легко поступили в училище культуры, еще один пошел по комсомольской линии, еще один занимался борьбой, стал мастером спорта, на соревнованиях ездил. Елтышев же нормально работал, обыкновенно отдыхал, в девятнадцать ушел в армию, после нее, когда увольнялся, предложили пойти в милицию. Он согласился. И вот к пятидесяти годам получил капитана. Майор если и светит, то только накануне пенсии... Такая линия жизни.

Правда, и те – артисты, спортсмен, комсомолец – исчезли из виду, потерялись, никто не стал заметным человеком. Но они прожили, наверно, какое-то время интересно и ярко.

Были и у Елтышева шансы, были. Но – прозевал, отказался, слишком долго думал. Да и семья держала, двое пацанов. За них боялся и не лез в пекло. А выросли... Старший никуда не поступил, увальнем стал, в двадцать пять – ребенок ребенком, а младший... С младшим вообще беда: в драке бахнул одного в лоб кулаком и сделал клоуном. Теперь этот – инвалид, а сын – на пять лет в колонии.

Знал Николай Михайлович, что шепчутся об этом соседи, знакомые: сам, мол, мент, а сын сидит, – ловил иногда усмешливые взгляды и на работе, но сдерживался, старался не замечать, не принимать близко к сердцу. Иначе, боялся, тоже кому-нибудь перелобанит.

В юности он не выделялся силой и мощью – может, оттого, что жила их семья бедно, ели плохо. Но годам к тридцати пяти заматерел, ощутил что-то в себе стальное; валун напоминал, который, если столкнуть, всё на своем пути в лепешку раздавит. И сослуживцы, когда собирались в спортзале тренажеры помучить, удивлялись: «Здоров ты, Николай Михалыч! Штангой по юности не занимался?» А он отшучивался: «Борьбой занимался без правил».

Около четырех внизу стали покрикивать. Сначала в туалет просились, и сержанты сводили нескольких. Потом появились просьбы дать воды, домой позвонить, выпустить. Шумела в основном компания, которую привезли от клуба «Летучая мышь».

Когда крики переросли в колочение в дверь и скандирование: «Во-ды! Во-ды!.. До-мой! До-мой!» – Елтышев не выдержал:

– Давайте-ка их поучим.

Втроем – он и сержанты – спустились.

– Кто тут домой захотел? – спросил Николай Михайлович, остановившись в центре коридора.

– Я! Я! – сразу из нескольких камер.

– Добро. Выводи, Ионов.

Сержант Ионов, звеня ключами на большом кольце, открывал двери, желающие выходили в коридор, и их отводили в крошечную – метра четыре квадратных – комнатку с большой батареей-змеевиком, прутьями под потолком (сушилка, что ли, когда-то была). В ней техника держала швабры и ведра, мешок с хлоркой, а иногда там запирали наиболее буйных – потенциальных пятнадцатисуточников. Но сегодня, то ли от собственных невеселых размышлений, то ли от того, что недовольных оказалось так много, Елтышев набил комнатку под завязку. Четырнадцать человек – всех, кто требовал выпустить.

– Постойте, подумайте, – сказал и захлопнул дверь; поднялся в дежурное помещение, снял фуражку, вытер платком пот со лба.

– Ох, жара-то какая, – заметила его движение врачиха. – Надо на дачу ехать, вишни, сливы распаковывать. Не дай бог созреют.

Елтышев неприязненно мыкнул, сел за стол. Дачи у него не было; несколько раз собирався взять участок, но начинал раздумывать, подсчитывать – придется доски покупать на забор, домишко какой-нибудь строить, чернозем завозить, – и оставлял эту затею. А теперь жалел, конечно, но поздно – теперь задарма земли нет, каждая сотка какие-то огромные тысячи стоит...

С полчаса внизу было относительно тихо (похмельные стоны не в счет), а потом в дверь комнатки задолбили:

– Дышать нечем! Откройте, ур-роды!

Удары усиливались; Елтышев потерял терпение:

– Ионов, прысни им там перцу через скважину. Что-то вообще охренели сегодня.

Сержант ушел. Крики на минуту смолкли – набитые в комнатку, наверное, надеялись, что их сейчас выпустят, – и возобновились, но уже в несколько раз сильнее, переросли в выворачивающий душу кашель, вой. Когда вой сменился совсем уж нечеловеческими звуками, врачиха оторвалась от чтения:

– Да что там происходит?!

– Пуска-ай, – поморщился Николай Михайлович, – может, вести себя научатся...

Еще минут через десять по настоянию врачихи дверь открыли.

Из комнатухи вырвалась волна отравленного горячего воздуха; врачиха, поперхнувшись, отшатнулась. На полу, один на другом, корчились недавние недовольные.

Глава вторая

В последнее время Валентина Викторовна часто стала задумываться о прошлом. Воспоминания накатывали неожиданно, как приступ болезни, придавливали, лишали сил. И приходилось бросать дело, каким занималась, садиться и на несколько минут покоряться этому приступу – думать о прошлом, по новой переживать моменты жизни, словно от уколов вздрагивать от мыслей: здесь бы подправить, здесь изменить... Полвека позади. В общем-то, вся женская жизнь. Впереди – старость.

Когда-то, девчонкой, она представляла старость как счастливое время, желанный отдых. Она видела степенных стариков и старух, достойно, умно, полезно проживших и теперь отдыхающих. Раз в месяц почтальоны приносят им пенсии, и старики, неспешно нацепив очки, тщательно, уважительно расписываются в ведомости. Взрослые сыновья и дочери приводят им внучат, и старики учат их тому, чему могут научить только они, узнавшие все тайны жизни. Они никуда не торопятся, они по-особенному чувствуют солнце, видят красоту листьев, по-особенному вдыхают воздух...

Но то ли это было ее детскими фантазиями, то ли старость теперь стала другой – Валентина Викторовна не чувствовала скорого покоя. Наоборот, жизнь требовала отдавать себе сил всё больше и больше, спешить, торопиться, решать бесконечные проблемы, переносить беды одну за другой. И вот уж совсем катастрофа – предстоящий переезд. Переезд неизвестно куда.

Сегодня путь с работы давался особенно тяжело. Ноги не шли, всё вокруг – люди, светофоры, машины, дома – казалось враждебным, готовым накинуться и задавить или, слюняво взвизгнув, начать совать ей в глаза ту газету... И город, где прожила в общей сложности тридцать лет, давно считала родным, тоже был враждебен, был уже не ее, чужим.

Пройдя несколько десятков метров, Валентина Викторовна чувствовала слабость, понимала, что вот-вот упадет, искала скамейку, скорее садилась, крепко обнимала пальцами деревянные рейки, сжимала веки, прячась от бегающих перед глазами красных точек... Давление, что ли... Сидеть было лучше, но тут же опутывали, стягивали паутины-воспоминания.

Как приехала сюда в шестьдесят шестом учиться. На кого, тогда не решила – хотелось одного: вырваться из маленькой, темной их деревушки. Но и город, в котором до того была два раза, очень быстро разонравился: почти сплошь одноэтажный, пыльный и тоже темный (старые срубы, ограды, деревянные тротуары), переполненный такими же, как и она, вчерашними колхозниками. И все они куда-то спешили, неумело, толкаясь; ревели грузовики, за заборами рыли котлованы...

Валентина Викторовна поступила в педучилище. Поселили в бараке-общежитии, в комнате с еще тремя девушками. Очень было неудобно, стыдно находиться всегда на людях.

Но в педучилище проучилась она всего полтора месяца. В октябре из крайцентра приехала комиссия набирать группу в библиотечный техникум. Валентина Викторовна вызвалась одной из первых – не из интереса к библиотечному делу: казалось, что там будет лучше. Прошла.

Теперь, задним умом, она была уверена, что тогда совершила первую большую ошибку в жизни. Лучше бы осталась в педучилище, закончила его и вернулась домой, стала бы учительствовать в родной школе... Хотя скажи ей это тогда, в пятнадцать лет...

Крайцентр ее поразил. Это был действительно город – с проспектами, скверами, трамваями, огромным театром. Валентине Викторовне и не мечталось поселиться там, в одной из квартир одного из десятков каменных семиэтажных домов с полукруглыми окнами. А наверное, надо было бы помечтать и попробовать.

Пытались за ней ухаживать местные ребята, она же, напуганная рассказами подруг, имена которых давно забылись, про «поматросят и бросят», про аборт, сразу эти ухаживания пресекала. Даже не танцевала ни с кем.

По пути в деревню на каникулы она проезжала тот городок, где недолго училась в педучилище. Видела, что и он превращается в настоящий город – из котлованов поднимались невысокие, в четыре этажа, но благоустроенные дома, улицы закатывались асфальтом, появлялись газоны, бетонные столбы с фонарями. На окраине запускали вагоностроительный завод, и бывшие деревенские жители шли в рабочие.

Этот городок стал нравиться Валентине Викторовне, и, когда после окончания техникума ей предложили место в центральной библиотеке, только что отстроенной, с новенькими стеллажами и свежими книгами, просторным читальным залом, она согласилась.

Дали комнату в общежитии, работа была несложной. Во время учебы всё казалось труднее и непонятнее...

В центральной библиотеке Валентина Викторовна работала до сих пор. Когда-то по дороге от нее к общежитию встретила молодого сержанта милиции, за которого, после полугода дружбы, вышла замуж. Отсюда, была уверена, в пятьдесят пять лет ее торжественно проведут на пенсию.

Но оказалось, придется уволиться раньше времени, уйти в неизвестность. Невозможно стало ловить враждебные взгляды сослуживиц, посетителей, каждый из которых знал о ее муже...

«Уголовное дело, – долбилося в голове, – уголовное дело». Сколько сил, нервов, сколько денег потрачено, когда сына судили, а вот через два года то же самое – с Николаем. И если в первом случае ей в основном сочувствовали – мало ли драк между парнями происходит, и сын не ножом ведь, не заточкой врага своего, а голым кулаком, – то теперь наоборот.

А что Николаю делать было? Эти буянили, вырывались, другим трезветь мешали, вот он и запер в изолятор. И как просчитаешь, на сколько кислорода хватит, как оно всё получится. Разве ж он знал, что так – у пятерых отек легких, в реанимацию пришлось класть, еле откачали. И может быть, все бы замять удалось, извинились бы, как-нибудь договорились, но в городской газете статья появилась. Тут уж пошло-поехало.

Известно же, как журналисты милицию ненавидят, а среди пострадавших оказался их коллега. Вот и раздули...

Много чего могла бы Валентина Викторовна сказать следователям, кажется, способна была объяснить, убедить, что ее муж не виноват, – но ее не спрашивали. Даже Николай запрещал об этом случае вспоминать – сразу беленился. А как не вспоминать, не говорить, если всё теперь вокруг этого крутится? Что, успокаивать себя, что не посадили, а дали условно четыре года? Но все равно ведь – жизнь рухнула, и нужно теперь из-под обломков выбирать, как-то восстанавливать, налаживать.

А ведь могло же, могло всё по-другому сложиться. Останься она в крайцентре, выйди замуж за одного из тех интеллигентных, тонких юношей, которые пугали этими своими тонкостью и интеллигентностью, принимаемыми ею за подловатость. И жила бы теперь в миллионном городе, стала бы, не исключено, заведующей библиотекой, огромной, светлой. Или нигде бы не работала, заботилась о доме, о муже, каком-нибудь директоре завода; дети бы институты уже окончили, тоже бы... Нет, лучше тогда было вернуться в деревню, учить детишек. Надежная изба на высоком фундаменте, огород, корова...

Давно она не была на родине, и деревенская жизнь представлялась как нечто светлое, единственно правильное. Да и к кому туда ехать? Дом после смерти родителей продали, деньги разделили между собой дети, все уже давно жившие в городах. Никого там родни не осталось, только тетка Таня – старшая сестра матери, пережившая и мужа своего, и всех трех детей.

Но, может, и ее уже нет – лет за восемьдесят ей далеко... Надо бы, по-хорошему, съездить, поглядеть, только как сейчас... Ох, господи...

Их четырехэтажный дом, один из первых построенных в городе многоквартирных, сегодня показался Валентине Викторовне убогим, покосившимся, особенно обшарпанным. Наверное, самозащита так работала – ведь очень скоро этот дом будет для нее и ее семьи чужим, им тут скоро не жить.

Во дворе она снова присела, отдышалась – состояние такое, словно взобралась на высокий холм. Глянула по сторонам. Напротив – еще одна такая же четырехэтажка: мутные стекла, балконы забиты старой мебелью, какими-то досками, расползшимися коробками. Во дворе – детская площадка с песочницей, деревянной поломанной горкой, качелями, которые пронзительно скрипели, если на них качались; заросшая полынью хоккейная коробка, на растянутых меж тополями веревках сушится сероватое, застиранное белье... Безрадостная, конечно, картина, даже золото сентябрьских листьев не особенно ее украшает, но ведь столько здесь прожито... Здесь сыновья ее выросли...

Через силу, тяжелым рывком поднялась. Нужно идти. Ужин готовить. И – разговор предстоит. Сегодня Николай с начальником ГУВД Вересовым должен встретиться; сегодня должно стать ясно: или все-таки в пропасть их семья полетит, или есть еще шанс удержаться.

Сама открыла ключом дверь, вошла. В большой комнате бубнил телевизор, в ванной шипел душ. Но, несмотря на живые звуки, атмосфера тревожная, гнетущая. «Будто покойник в доме», – вспомнилась Валентине Викторовне поговорка, и она тут же себя обругала, испуганно-просяще добавила: «Не дай бог, не дай бог».

Хотела поздороваться – объявить о своем приходе, как делала обычно, – но не стала. Молча сняла сапоги, повесила на вешалку пальто.

Николай сидел в кресле. На экране телевизора скакали полуголые худые девицы, наперебой пели слабыми голосками:

Отмени мой домашний арест,
Отмени мой аре-ест!

Сострадание к мужу тут же сменилось раздражением, негодованием даже. И Валентина Викторовна жестко спросила:

– Ну что?

– Что? – Николай как-то пугливо взглянул на нее, взял с журнального столика пульт, сделал звук телевизора тише.

– Поговорил с Вересовым?

– Поговорил.

И, поняв, что ждать хорошего нечего, Валентина Викторовна все же задала новый вопрос:

– И как?

– Как... Хреново. Всё. – Николай, кряхтя, пошевелился в кресле. – В течение месяца освободить площадь... Вересов сам на иголках – сплошные проверки, начальник службы собственной безопасности новый, из края поставили...

Он еще говорил, говорил что-то бесцветно и виновато, тоном объясняющего, где загулял вчера, муженька, но Валентина Викторовна не слушала – в мозгу засела и повторялась одна фраза: «В течение месяца освободить...» Это значит – выселяться со всеми вещами, горшками, телевизором этим несчастным (взяла пульт и выключила его вовсе), с диваном огромным, скрипучим, с книгами, которые давно никто не читает. Взять и оказаться на улице.

– И, – перебила мужа, – и как теперь?

Он вспылил:

– А я знаю – как?! Как! Извиняюсь, мало денег с алкашни собирал, не хватает нам на квартиру.

Валентина Викторовна села на диван, пружины с писклявым стоном сжались. Муж же, наоборот, вскочил, заметался по небольшому свободному пространству комнаты:

– Тридцать лет проработал! Улицы эти топтал пэпээсником! И вот... Сволочи!

– погоди, – пересилив страх перед его криками, остановила Валентина Викторовна; муж кричал подобное за последние месяцы не раз и не два. Пора было искать какой-то выход. – погоди, давай решать.

– Чего тут решать?! В петлю башкой...

– Пре-кра-ти!

Появился сын. Мокрый, голый, с намотанным на бедра полотенцем. Хмуро взглянул на родителей, пошлепал к себе.

– Артем, – окликнула Валентина Викторовна, – подойди сюда.

– Что? – он остановился, но не обернулся.

– Подойди, я говорю!

Подошел. Высокий, крепкий, с волосатой грудью молодой мужчина, а глаза – детские, насуспенного ребенка...

– Так, Николай, – Валентина Викторовна почувствовала небывалую решимость, – Николай, присядь. Так, давайте решать... Семейный совет.

Сын хмыкнул.

– Ну-ка! Сядь тоже быстро! Нас со дня на день на улицу вышвырнут, а он хмыкает... Так. – Постаралась успокоиться. – Так, какие у нас варианты? Во-первых, можно снять квартиру...

– Двухкомнатка – пять тысяч за месяц, – вставил сын.

– Откуда ты знаешь? – Зарплата Валентины Викторовны была четыре семьсот.

– Ну, спрашивал.

– Дом тогда, может...

– И что? – подал голос муж. – Ну, снимем, год проживем, два... Нам с тобой недолго осталось, а они, – кивнул на сына, – Денис вернется.

Валентина Викторовна хотела сказать, что надо об этом было заранее думать, что эта квартира – ведомственная, не их, и такое рано или поздно случилось бы. Не стала, боясь нового взрыва... И тут, как светом блеснуло в голове, нашелся выход.

– Тогда, может быть, так: в деревню? Сорок километров отсюда.

– В эту, – поморщил лоб Николай, – в твою? – Сам он был местный, городской, но давно растерял родню, а тот барак, в котором провел детство, снесли еще в семидесятых.

– А куда еще? Там тетка, жива, наверно... Изба у нее.

При слове «изба» Артем опять чуть было не хмыкнул. Валентина Викторовна заметила:

– А что?! Что еще? Вот работал бы, учился... Двадцать пять лет мужику, а всё как этот...

– Но ты-то работаешь, – перебил муж. – Оттуда, что ли, мотаться каждое утро?

– Уволюсь. Не могу больше видеть их... Я ведь тоже не железная, чтобы так... Сама как убийца себя чувствую.

Николай кряхтнул и отвернулся.

Некоторое время молчали. Сын ежился, мерз, но, видимо, понимал, что взять и пойти сейчас одеваться – опасно. Разорутся, что ему все равно. Нужно дотерпеть.

– Ну, – первой заговорила Валентина Викторовна, – как?... Завтра возьму отгул, съезжу. Может... Может, и ничего там нет уже... А? – Посмотрела на мужа, на сына. – Как-то ведь надо... А? – Они молчали, и Валентина Викторовна опять стала терять терпение, в горле закатился крик. – Куда-то ведь надо деваться нам, в конце-то концов!

Сошлись на ее варианте. Муж – обреченно; сын, казалось, – равнодушно.

Валентина Викторовна переделалась в халат, пошла на кухню. Готовить ужин. Достала из-под морозильника размороженный кусок свинины, поставила воду для рожек. Выбрала из корзинки луковицу... Движения были четкие, заученные десятилетиями повторений, но стоило взглянуть на какую-нибудь вещь – на кухонный шкаф, на давно уже не используемую ручную соковыжималку, на форму для торта – и руки опускались. Каждая вещь словно кричала, вопила жалобно и настойчиво: «Возьми меня! Не выбрасывай! Я пригожусь!» И представлялись скорые неотвратимые часы, когда нужно будет упаковывать, сортировать, вытаскивать мебель, куда-то ее грузить... Валентина Викторовна боролась с желанием бросить нож, сесть на табуретку, зажмуриться. Не быть.

Вошел Николай, постоял, необычно для него нерешительно переминаясь с ноги на ногу, потом предложил:

– Может, я это... за бутылкой схожу... Что-то трясет прямо... Напряжение снять.

Валентина Викторовна кивнула:

– Сходи. Только лучше купи какую. – Ей тоже хотелось немного выпить.

Глава третья

Деревня называлась Мураново, по протекающей рядом речке Муранке. Когда-то это было село – на холмике стояла церковь, которую в шестидесятых снесли, и поставили на ее месте похожий на амбар клуб.

Главной улицей в Муранове была дорога в дальнюю деревню Тигрицкое. Дорога была асфальтовой, но асфальт давно разбила совхозная техника, и его не ремонтировали. Шофер, когда подгонял свой «зилок» к дому, изматерился, тщетно пытаясь объехать ямы и рытвины, а Валентина болезненно морщилась, представляя, как колотится в контейнере посуда, техника.

Изба тетки Татьяны находилась в самом центре деревни: справа через три двора – контора с почтой, еще через двор – магазины, из которых работал только один; остальные же два наглухо, с давних пор заперты. Слева от избы теткой была двухэтажная школа, самое старое в деревне здание, а почти напротив – клуб и водонапорная башня.

В последний месяц Николай Михайлович несколько раз сюда приезжал – привозил кой-какие вещи, сдавал документы на прописку, слегка подремонтировал комнату, где предстояло жить, – вроде бы немного свыкся с мыслью, что это теперь их дом, но каждый раз теткина изба вызвала у него нечто похожее на ужас. Ужас перед тем, как перезимуют в ней, сколько предстоит сделать за лето, чтобы следующую зиму встретить в более-менее человеческих условиях.

Николай Михайлович приезжал сюда на автобусе – машина, по закону подлости, была серьезно сломана, – ни с кем из местных старался не заговаривать, поменьше общаться с хозяйкой. Она, маленькая, ссохшаяся, в основном сидела на табуретке возле непомерно большой для такого домишки, закопченной полосами печи, смотрела в пол выцветшими, стянутыми морщинами глазами... Поначалу, обнаружив во дворе гниловатую, хотя пригодную на первое время доску, Елтышев обращался к тетке Татьяне: можно ли использовать. Она тяжело взмахивала рукой-сучком, вздыхала: «Бери-и. Мне-то она на что уж...» И вскоре он перестал ее спрашивать, почти не замечал.

Утепляя пол, потолок, вынося из комнаты развалившийся стол (его место должна была занять часть стенки из квартиры), Николай Михайлович не верил, да и не желал верить, что теперь это дом для его семьи. Теперь им в этом покривившемся срубе жить, и, может быть, отсюда их с женой когда-нибудь понесут на кладбище.

Но был нанят ЗИЛ, контейнер заполнен тем, что составляло обстановку двухкомнатной квартиры, ненужные вещи оказались на мусорке, и водитель торопил ехать.

Когда в последний раз обходили пустые, посветлевшие комнаты, жена взывала, как на похоронах, повалилась; Николай Михайлович подхватил ее, быстро и грубо вывел. На площадке отдал ключ начхозу ГУВД. Подсадил Валентину в кабину, сказал сыну, что ждут его в деревне – Артем должен был добираться автобусом, – оглянулся на дверь подъезда, бросил тело внутрь ЗИЛа. Захлопнул дверцу, велел скорее не водителю, а себе:

– Всё, поехали!

Только стали с женой разгружать контейнер, заморосил дождь. Мелкий, но, кажется, затяжной, октябрьский.

– Как назло, – ругнулся Николай Михайлович и торопливо, бережно, но и словно на свалку, понес в избу дорожную, не так давно купленную стеклянную тумбочку.

Шофер помогать не вызывался, покуривал, слушал магнитофон («Ну где же ручки? – пело в кабине. – Ну где же наши ручки?...»), иногда заглядывал в контейнер и досадливо кривился – убывало медленно.

Тетка стояла на низком крыльце, скорбно наблюдала, как носят вещи; она попыталась было принять участие, но не смогла дойти до ворот...

Несмотря на середину буднего дня, улица была пуста, но Николаю Михайловичу казалось, что из всех окон, из-за всех заборов за ними наблюдают, следят любопытные... И вот один не выдержал – появился, подошел.

– Здоровенько. – Высокий, сухой, с запущенной, почти ставшей уже бородой, щетиной; на голове – черно-рыжий комок зимней шапки. – С приездом.

– Спасибо. – Елтышеву было не до разговоров. Вытянул из контейнера мешок с одеждой, понес.

Комната быстро заполнялась вещами; Николай Михайлович сунулся в летнюю кухню. «Придется сюда».

– Чего, – местный ждал у машины, – помочь, может? А то, гляжу...

– Ну помогите. – Елтышеву предстоял холодильник.

Мужик оказался слабым, больше кряхтел, стонал, чем таскал. И постоянно комментировал:

– В-во, табуреточки! У меня такие ж почти... Добрая полка... Люстра на семь лампочек...

Николаю Михайловичу казалось, что он на аукционе, где распродают его пожитки...

Но дело все-таки пошло побыстрее, и приехавший в половине второго Артем застал контейнер почти пустым. Отнес одно, другое – и всё.

– Ну во-от, – облегченно, будто потрудился больше других, выдохнул водитель; свел стальные створки, лязгнув засовом. Выжидающе посмотрел на Николая Михайловича.

– А, да, – тот понял, достал бумажник, выбрал две сотни. – Держи. – За перевозку он уже заплатил в агентстве, но нужно было отблагодарить лично и шофера – что не капал на нервы, не мешал, довез, в конце концов, без неприятностей.

– Благодарю. – Шофер еще раз выдохнул, прыгнул за руль и, перед тем как захлопнуть дверцу, пожелал: – Счастливо вам!

Елтышев кивнул. Щелкнуло зажигание, тыркнул трамблер, и мотор завелся; из выхлопной трубы вырвался синеватый столб дыма. И когда ЗИЛ тронулся, медленно, но безвозвратно разрывая последнюю нить с прошлой жизнью, снова похоронно завывала жена.

– Да перестань ты! – вспыхнул Николай Михайлович. – И без тебя!.. – И почувствовал желание встряхнуть ее... Тоже взвыть.

Сдержался, вцепился взглядом в коричневый прямоугольник контейнера, который становился меньше, мельче; дорога пошла под гору, и вот контейнер исчез. Но еще долго все трое Елтышевых – муж, жена и их сын – стояли у раскрытых черных ворот и смотрели в ту сторону, куда уехал ЗИЛ. В сторону города.

– Чего, – подал голос местный, – может, это, за новоселье?.. Меня Юрка звать. Я тебя, Валентина-то, помню. Помню, как приезжала.

Валентина Викторовна обернулась к нему, взгляделась, но не узнала. Тот вроде как обиделся:

– Юрка я, Карпов. Дядя у меня был, Саня, Карпов тоже. Вы с им в одном классе...

– Да, да, – покивала Валентина Викторовна, но без эмоций, думая о чем-то другом.

– Ну так чего, отметим?

– Надо, – встряхнулся, оторвался от дороги Елтышев, достал полтинник. – Хватит? Еда у нас есть.

Юрка принял бумажку, покрутил, будто убеждаясь, что она настоящая. Кивнул, почти побежал по улице.

«Магазин, кажется, в другой стороне», – удивился Николай Михайлович и тут же переключил внимание на другое – сказал сыну:

– Закрывай ворота.

Наблюдая, как Артем толкает обвисшие, хлипкие створки, добавил с горьковатой шутливостью:

– Давай приучайся.

Сидели за большим дощатым столом на кухне, ждали Юрку. Жена разогревала на плитке приготовленную утром в квартире тушеную картошку с мясом. Тетка Татьяна покачивалась на табуретке, что-то тихо-тихо наборматывала, словно ругалась на себя, чтопустила чужих и теперь приходится так ютиться, в уголке.

Пахло сопревшей пылью, старостью, лекарствами. Бугристая штукатурка на стенах, казалось, вот-вот начнет отваливаться кусками, потолочная балка не выдержит и переломится, и весь дом превратится в горку сухой извести, истлевшей пакли, черных, будто обгоревших бревешек. И Николая Михайловича до зуда в скулах потянуло вскочить, выбежать прочь, спрятаться в безопасности, и в то же время хотелось засучить рукава, начать строить новый просторный дом с отдельной для себя комнатой на втором этаже. Для отдыха...

Обитая одеялом дверь со скрипом и хрустом открылась, вошел, пригнув голову, Юрка. На лице – улыбка, в руках – бутылка. Почему-то без этикетки.

– Заждались? – Поставил бутылку на край печной плиты, снял шапку, ударил ею по колену, отчего по кухне сыпанули капли. – Счас, за новосельице...

– А ты-то чего... – тихо удивилась тетка Татьяна, но не договорила, закачалась снова.

Николай Михайлович коротко, бодровато, как бывало дома после смены, выдохнул, велел жене:

– Давай, мать, накладывай. – А сам выставил в рядок толстенькие, в форме сапожка стопки.

Подсевший за стол Юрка без церемоний зубами выдернул из бутылки пластмассовую пробку (таких пробок Николай Михайлович не видел уже несколько лет), стал разливать.

– Поработали, – приговаривал, – можно и расслабиться мала-мала... Мо-ожно...

Из стопок сильно запахло сивухой; Елтышев с подозрением следил за деятельностью Юрки – бутылка без этикетки, едковатый запах ему не нравились. Но пока что молчал, ждал... Артем притулился с краю стола, позевывал, безглаголиво озирался.

Валентина Викторовна поставила на центр глубокую тарелку с картошкой.

– В-во-о! – обрадовался Юрка. – Горяченькое. Ну, вздрогнем. – Подхватил стопку.

– Теть, – позвала Валентина Викторовна, – исть будешь?

Та неопределенно пошевелила рукой.

«“Исть”, – усмехнулся про себя Елтышев. – Быстро на деревенский переходим».

Юрка торопил:

– Ну, пьем, нет?

Чокнулись вяловато, безрадостно. Николай Михайлович осторожно отпил. Рот обожгло; вкус был ядовитый, через водку отдавало то ли керосином, то ли растворителем.

– Что... Что это вы притащили? Это пить нельзя.

Жена, сын испуганно поставили стопки. А Юрка, ухнув, быстро закусил, мотнул, словно после удара, головой и тогда уж удивленно пожал плечами:

– А чего? Нормальный спиртович. Через резиновый шланг только пропущен, от этого так... Да пейте, не бойтесь. – И стал наливать себе по новой.

Елтышева затрясло, раздражение сегодняшнего дня готово было выплеснуться на этого гостя. Взять за шкирятник и вышвырнуть.

– Нельзя было в магазине купить? – сдерживая себя, внешне почти спокойно спросил. – Я дал, кажется, достаточно...

– В магазине? Хе, да в магазине у нас водки с год уже нет. Пиво только.

– Почему нет?

– Да сертификат какой-то не получили... что-то такое там. – Юрка поднял стопку. – Да ладно, пейте, нормальный, говорю, спирт.

Неожиданно выпил Артем. Хыкнул придушенно, бросил в рот парящую картошину. Глянул на родителей, сказал как-то с вызовом:

– Не умрем, наверно.

«Наверно... – Николай Михайлович сжал стопку в ладони. – Наверно... Хрен с ним».

Глава четвертая

С детства еще, примерно лет с пяти Артем понял, что он не такой, как все. Конечно, каждый чем-то отличается, но не очень, а он отличался очень. И ему это мешало. Мешало и в детском саду, и в школе, особенно в пятом – седьмом классах, когда необходимо быть активным, подвижным, готовым к драке, к защите своего «я». А Артем любил тихие занятия – в детском саду, куда ходил с плачем, чаще всего лепил из пластилина, катал в уголке машинки, в школе на переменах сторонился носящихся одноклассников; одно время чувствовал тягу к книгам, особенно к тем, где описывались путешествия, исследования дальних стран, но ни одну книгу от корки до корки не осилил – листал, выхватывая взглядом отдельные строки, даты, фамилии, рассматривал иллюстрации.

Родители, видя его тихость, иногда говорили с усмешкой: «Философ растет. Все думает». Но Артем как-то особенно ни о чем не думал, мало что замечал, запоминал. Каждый новый день встречал без радости, еще лежа в постели, представлял, сколько всего будет за этот день, в какой круговорот, только стоит подняться, он попадет, и подниматься не хотелось. Укрыться одеялом с головой, оставив лишь узкую щелочку, чтоб дышать, и лежать там, лежать в полудреме, покое... Вбегала мама и начинала тормошить: «Ты что лежишь-то?! Будильник ведь прозвенел!» А рядом прыгал брат и тоже донимал: «Вставай, Тяма! Погнали в школу!»

Был бы он, Артем, каким-нибудь больным, низкорослым – наверное, было бы лучше. Понятнее ему самому, почему он такой. Но он рос здоровым, крепким, будто занимался физкультурой (а физкультуру он не любил больше всех других уроков), и в то же время каким-то... Однажды он услышал слово, поразившее его, – слово это сказали не в его адрес, но с тех пор Артем часто мысленно повторял, обращая его к себе: «Недоделанный». Обидное, но точное слово...

Лет в четырнадцать его стало всерьез пугать, что он ничем не интересуется, нет у него каких-то увлечений. Пробовал ходить в кружки – в авиамodelный, на бокс (руководитель говорил, что у него есть данные, правда, очень слабая реакция), на шахматы, к филателистам, но быстро бросал – неинтересно. На шестнадцатилетие ему подарили гитару и самоучитель. Артем зажегся, стал разбирать аккорды, пробовал копировать мелодии известных песен. Дело шло медленно, туго, и вскоре Артем забросил гитару, зато брат, казалось бы, случайно взяв ее в руки, сносно заиграл модную тогда песню группы «Кино» «Звезда по имени Солнце».

Вообще Денис хоть и был на два года младше Артема, постоянно его обгонял. Почти во всем. Первым научился ездить на двухколесном велосипеде, первым закурил, первым, когда Артем только почувствовал в этом потребность, поцеловался с девушкой.

Даже армия его не переделала. Со службой (к которой родители отнеслись странно спокойно, вроде бы даже были ей рады) ему повезло – оставили в своей области и после учебки отправили на локационную станцию, откуда Артем видел родной город. Увольнения давали часто, и раза два в месяц его проводывали то родители, то Денис с друзьями.

В ту же осень, когда Артем вернулся, призвали брата. Определили в десант, служил далеко, в отпуск не приезжал. Родители извелись, каждый день ждали писем, смотрели страшные выпуски новостей – как раз тогда началась вторая чеченская... На войну Денис не попал, но вид приобрел бывшего парня – ходил с перевальцем, долго после дембеля носил форму, хищно посапывал перебитым носом, всегда был настроен подраться, собирался наняться то в Иностранский легион, то в спецназ. Родители хоть и продолжали за него тревожиться, просили вести себя поумеренней, но, видно было, гордились – настоящий мужик получился. А в итоге через полгода, во время драки, долбанул одного в лоб кулаком и получил пять лет...

Страшный был период между арестом и судом, когда Артему казалось, что он тоже свихнется, как и тот, которому брат раздробил лобную кость. Но в то же время где-то глубоко

в душе Артем был рад случившемуся, будто перехитрил не то чтобы брата, а кого-то огромного, мудрого, который всегда выделял Дениса, дарил ему силу и смелость и вдруг увидел, что ошибся, что дальше по жизни пойдет Артем, Денис же сорвался, упал и вряд ли поднимется.

Артем стал чаще бывать на улице, на равных общался с парнями, которые благодаря случившемуся с братом зауважали его; он ходил с ними в ночной клуб, пил водку, иногда участвовал в драках, и мать, увидев на его лице синяк или коросту на губе, начинала рыдающе спрашивать: «Ну ты-то куда?! Ты-то?!»

Это «ты-то» оскорбляло больше всего – в нем слышалось ненавистное Артему слово «недоделанный».

Он постоянно устраивался на работу – одним из главных занятий с двадцати лет было хождение по объявлениям о найме. Продавец книг на уличном развале, разнорабочий на стройке, грузчик на центральном рынке, рабочий сцены во Дворце культуры... Случалось, его брали, даже делали запись в трудовой книжке, а через две-три недели, через месяц давали понять, что недовольны им, еще через неделю предлагали написать заявление «по собственному желанию». И Артем, тоже уже измучившись, с удовольствием писал, вздыхал облегченно, забирал в бухгалтерии расчет; подойдя к дому, изображал на лице расстроенность, извиняющимся тоном говорил, что его уволили и он не знает почему, скрывался в своей комнате. Падал на кровать, отворачивался к стене. И становилось легко и радостно, как бывает, когда чувствуешь, что выздоровел...

Неделю-другую родители его не трогали, даже сочувствовали, что он опять потерял работу (для них, десятки лет сидевших на одном месте, это казалось действительно трагедией), но потом отец начинал хмуриться, мать как-то тычком ставила перед ним тарелку с едой, словно говорила этим: «Вот тебе, дармоед». И Артем брел по объявлениям, вяло объяснял в отделах кадров, что он умеет, почему так недолго пребывал на прежних работах, обещал быть дисциплинированным, не прогуливать, не филонить. Но спустя месяц-полтора-два снова становился свободен.

Город он знал неважно, хотя вроде бы что там знать? Родился и вырос в центре, центром и ограничивался город для него – скучноватые четырех-этажные и пятиэтажные здания, внушительный, пятидесятих годов, кинотеатр «Победа», сквер вокруг памятника Ленину, рынок, автовокзал... А вокруг бесконечные кварталы частного сектора – кривоватые (почва болотистая) избенки с тесными огородами; в частном секторе Артем бывал редко: сколько себя помнил, между «центровыми» и «деревней» существовала вражда. Когда-то, в семидесятые, случались массовые побоища с участием не только молодежи, но и взрослых, и несколько человек обязательно попадали в больницы.

На севере города, на так называемой Горе, хотя это была лишь небольшая возвышенность, в конце восьмидесятых появился микрорайон светло-серых девятиэтажек. Микрорайон имел свой торговый центр, кинотеатр, школу, универмаг. Вниз обитатели Горы спускались редко, в основном в выходные (работало большинство из них на вагоностроительном заводе восточнее Горы), а некоторые из центровых вообще не бывали в микрорайоне. В их числе и Артем. Приятели там не жили, интересных мест не было, да и нагромождение высоких домов пугало – казалось, что он там запросто может исчезнуть, пропасть.

Город окружала холмистая, вечно желтая степь. На одном из холмов можно было разглядеть коробочки строений, спичку антенны и похожий на миску локатор – там Артем после учебки прослужил полтора года... На южной окраине города текла река – быстрая, холодная и мелкая. Купались в ней лишь уверенные в своем здоровье люди или пьяные, которые довольно часто тонули. Река сбегала с Саянских гор, почти неразличимых из города; вверх по течению моторные лодки ползли кое-как, со стороны казалось, что они почти не движутся, и не верилось, как это век назад староверы тянули туда, в верховье, лодки со всем необходимым для

отдельного от всего остального мира существования. Они уходили в тайгу, чтобы уже не возвращаться...

Нигде, кроме родного города, Артем не был. Когда очень донимала тоска, ходил на вокзал и смотрел на поезда. Знал: те, что направляются налево, через день-два-три будут в Иркутске, Чите, Хабаровске, Владивостоке, а те, что направо, рано или поздно окажутся в Новосибирске, Тюмени, Свердловске, Москве. Но, зная это, Артем ничего не мог нарисовать в воображении – Москва и Питер еще выделялись каким-нибудь знакомым по телепередачам дворцом или площадью, а остальные были просто кружочками с карты.

Он чувствовал, что растворяется в родных кварталах, становится чем-то вроде скамейки, фонарного столба, одного из многих деревьев сквера – мимо идут и идут люди, и никто не замечает, не выделяет его, и он тоже почти никого и ничего не замечает, ничему не удивляется. Панцирь твердый, окостеневший от пыли и копоты... Если он будет жить вот так, как живет, будет видеть одно и то же, у него никогда не появится ни настоящего друга, ни настоящей девушки, которые что-то в нем изменят, изменят что-то очень важное. Потащат вверх по течению или поперек.

И наверное, поэтому Артем не сопротивлялся, когда родители решили переезжать. Страшно, конечно, было, порой до того, что тянуло заявить, что никуда не выйдет из своей комнаты, не будет собирать вещи – это напоминало рытье себе могилы приговоренным к казни; но какая-то частица, крошечная и в то же время главная в нем, доказывала: этот переезд, эта катастрофа – ему во благо.

Ту деревню, что должна была стать их домом, Артем помнил смутно. В детстве был в ней с родителями. Никаких подробностей не оставалось, кроме ощущения простора – много места для игр, много неба, ярко-зеленая теплая трава, в которой приятно барахтаться. Казалось, что в деревне всегда лето; в двадцать пять лет верить в это, конечно, было бы нелепостью, но против воли что-то такое в душе тлело. Грело, когда ехал на разболтанном пазики. Сидел в заднем ряду, глядя в пол – кого-то видеть, давать повод разглядывать себя не хотелось. Вообще не хотелось понимать, что происходит. Но с каждым километром он отдалялся все больше от родного города, словно скатывался под откос и боялся, что вот-вот сорвется в черную яму. И одновременно с этим жутким ощущением всплывали – не в памяти даже, а где-то за ней – солнечные блики, сочно-зеленое, мягкое, широкое... Была крошечная, но странно-крепкая надежда, уверенность даже, что на дне ямы, в которую срывается по этой кочковатой, выщербленной дороге, он найдет новую жизнь – какую-то пусть и сложную, тяжелую, но настоящую жизнь. Кончится томительный период полудетства, начнется взрослость. Даже родители, обязательные, неизменные до этого, сейчас не виделись впереди. А виделась там изба со многими окнами, в которые бьет солнце, просторный двор, вкусный воздух, речка, на которой по вечерам так хорошо порыбачить, и – главное – силуэты пока неизвестных, но необходимых для его новой жизни людей...

Уже через несколько минут после приезда Артем догадался, почему отец не брал его с собой ремонтировать дом, готовить место для вещей. Да, это была яма, ее черное, беспросветно черное дно. Черное, как бревна их жилища.

Проснувшись после новоселья с тяжелого, хоть и выпил граммов сто пятьдесят, похмеля, Артем решил сразу же пойти на остановку. Сесть в автобус, вернуться в город. Там куда-нибудь деться. К кому-нибудь из парней попроситься пожить, за это время как-то устроиться... Общежитие... Или – гараж ведь есть, с печкой!.. Как здесь-то?

Он провел эту ночь на раскладушке – его кровать в комнате не поместилась, родители спали на диване совсем рядом. Даже прохода не осталось... Воздух был холодный, неживой. И, откинув одеяло, Артем сразу озяб, затрясся и скорее снова закутался. Принял более-менее удобную позу, так, чтобы железная трубка раскладушки оказалась меж ребрами, не так давила.

Слушая похрапывания матери и отца, с обидой, бессильной, детской, подумал: «Я-то что?.. Пусть они решают. Устроили...»

Дни стояли темные, предзимние. Заполняли их перетаскиванием вещей с места на место, поиском во множестве коробок, мешков, тюков какой-нибудь нужной мелочи. Бабка Татьяна сидела у печки и наблюдала за малознакомой родней с подозрительной покорностью, будто рылись они в ее вещах.

Постоянно возникали трудности – то, что в квартирном быте делалось почти незаметно, здесь разрасталось до серьезной, почти непреодолимой проблемы... Главной была вода.

Вода бралась из колонки. Колонка находилась рядом, на другой стороне улицы, но давление было слабым, вода текла тончайшей струйкой, и, чтобы наполнить ведро, приходилось тратить минут семь. На холоде – не очень приятное времяпрепровождение... Ведро приносились домой и выливались в двадцатилитровый бак. Оттуда воду черпали для умывания, мытья посуды. Грязную воду сливали в двенадцатилитровое ведро под умывальником, которое выносили на зады огорода и выливалось в заросли крапивы... В первое время, пока не научились экономить, помойное ведро приходилось нести на зады раза по три-четыре на день.

Мытье посуды было целым процессом. Мыли ее в большой металлической чашке сначала в одной воде, горячей, затем мыли саму чашку, стенки которой были покрыты слоем жира, затем наливали в нее воду теплую (нагреть достаточное количество, даже с помощью электрочайника, никак не получалось). Эту вторую воду приходилось менять раза два, так как она опять быстро становилась жирной, и «Фэйри» не помогало. Особенно тяжело было мыть после говядины...

В туалет по-большому Артем не мог сходить на новом месте несколько дней. Так же с ним было, когда призвали в армию... Да и по малой нужде он шел в похожий на собачью будку сортир, когда сил терпеть уже не оставалось. Смотрел в отверстие в полу. Оно было почти заполнено, и отец собрался было строить новый, но земля уже схватилась морозом. Решил отложить до весны, сказал как бы шутливо: «Ломяком будем сталактиты скалывать». А потом помрачнел: «Вот с банькой что делать...»

Баня стояла между летней кухней и стайкой с курицами – крошечная постройка без предбанника, полусгнивший полóк обрушился, железная печка прогорела. Мыться здесь казалось невозможным; вообще невозможно было представить, как здесь, в этих условиях, может существовать и оставаться человеком бабка Татьяна. Бессильная, еле передвигающаяся, она все же не заросла грязью, в комоде у нее лежало чистое белье, в хлебнице был мягкий хлеб, в подполе – запасы на зиму.

Несколько первых дней Артем никуда за ограду не выходил, только за водой. Территория по ту сторону забора была враждебной, опасной, хотя людей он почти не видел – изредка пробредали старики и старухи с матерчатыми сумками в магазин, быстро протопывали мужички, прокатывался на звенящем велике какой-то пацаненок. Машин почти не проезжало, а знакомое гудение рейсового пазика было мучительно – сразу вспоминалось прошлое, совсем недавнее и наверняка навсегда утраченное... Сейчас сделает круг водила, поставит автобус в гараж, придет домой, в квартиру на пятом этаже, примет душ, поест, упадет в кресло перед телевизором... У них тут два телевизора – черно-белый бабкин «Рекорд» и «Самсунг», привезенный с собой, но что толку... И смотреть не хочется, да и возможности нет. Всё грудой свалено, тесно, сесть негде даже.

Хотелось быть одному, и Артем часами сидел в холодной летней кухне, на стуле, делая вид, что разбирается в своих вещах. Кассеты, пластинки, какие-то бумаги, книги, коробочки из-под давно сломавшихся фотоаппарата, плеера. Всё это было теперь ненужно, всё стало лишним. Надо было, еще когда очищали квартиру, вынести на помойку.

Зато того, что немного облегчило бы нынешнюю жизнь, не хватало: не было удобной обуви, в которой можно выбегать во двор, не было и повседневной уличной одежды, которую не жалко замарать, не было хорошего топора, гвоздей, тряпок, фонаря...

Как только немного обустроились, мать поехала в город. Звала с собой и Артема, но он отказался – как сильно хотелось убежать отсюда в первое утро, так было страшно увидеть теперь родные, но уже не его улицы... А мать в ту поездку окончательно уволилась с работы, купила мяса, сосисок, колбасы, водки; вернулась отчаянно-радостная, словно избавилась от чего-то, разрубила мешающий узел. И выпила тем вечером так, что еле дошла до дивана.

Днем деревня была пуста, почти безлюдна, тиха, зато с наступлением сумерек возле клуба, у магазина начиналось оживление. Слышались хохот, девичьи взвизги, трещали мотоциклы.

– Всё гужбанются, – ворчала бабка, заглядывая за занавеску. – Но счас хоть потише стало, а летом... Там уж до утра не уснешь – бесиво без остановки... Скорей бы морозы ударили...

Артема звуки внешней жизни тоже раздражали, но иначе – хотелось туда... Лучше, если уж его привезли в эту нору, ничего бы вокруг не оказалось. Но вокруг все-таки была жизнь, была молодежь.

И однажды он не выдержал: сбрил успевшую отрасти до бородки щетину, достал из чемодана выходные джинсы, свитер.

– Ты куда собрался? – тревожно нахмурился отец.

– Пойду тут... погуляю.

– Гм...

Артем втянул голову в плечи, ожидая, что сейчас раздастся: «Нет, никаких гуляний! Пьянь там одна». Но мать перебила это отцово «гм»:

– Только осторожней. И не до ночи.

Артем кивнул, ухукал. Вышел в сенки, через них – во двор. У калитки приостановился, нащупал деньги в кармане, стараясь вспомнить, сколько там. По крайней мере, на билет хватит. Постоять, послушать музыку, на людей посмотреть...

Высокое и просторное крыльцо клуба было заполнено парнями. Курили, шуршали пластиковыми стаканчиками, целлофановыми мешочками с закуской, рассказывали что-то друг другу, а рассказав, гоготали, заражая гоготом остальных. Но увидели подходящего Артема, замолчали. Как-то остоленело смотрели на него. Артем вспомнил фильмы про ковбоев – там так же столбенели, когда в салуне появлялся чужак... И он подходил, готовый вот-вот получить пулю-удар.

– Здорово-ово, – протянул один из парней, плотный, мощный, то ли с рябым, то ли с угреватой лицом.

– Добрый вечер. – Артем коротко улыбнулся. – Дискотека сегодня?

– Но, – кивок, – танцы.

Еще один, маленький, шуплый, хотя наверняка заводила, вдруг оправдывающимся тоном объяснил:

– Дядь Вася в запое опять, кино не кажут. Вот и танцы.

– М-да, – посочувствовал Артем и поднялся на две ступеньки; тут же ему протянули пачку «Примы» с выбитым наружу концом сигареты:

– Будешь?

Он вынул, поблагодарил, прикурил от подставленной зажигалки... Вообще-то не курил, иногда лишь, выпив, – но сейчас, чтобы расположить парней к себе, закурить, понял, нужно.

– Слушай, тебя Артем ведь звать? – спросил плотный.

– Да... Я вон там, у бабы Тани живу...

– Да мы знаем... Это самое, у тебя, случаем, тридцатника нет? Выпить охота, а кончилось.

Артем ждал этого вопроса и обрадовался ему. Знакомство двигалось удачно. Он достал из кармана одну бумажку – оказалось, полтинник.

Парни оживились; плотный передал деньги Артема высокому, в камуфляжной шапочке: – Балтон, сгоняй.

Потом стали представляться. Плотный оказался Глебычем, щуплый – Нямой, еще один, узкоглазый, – Цоем.

– Вела... Редис... Вица... – продолжали сыпаться клички; Артему стало неловко отвечать на них просто именем. Вспомнилось, что брат и приятели в городе звали его обычно Тяма. И Артем перешел на кличку.

– Во, Няма, – хмыкнул Глебыч, – почти тезка твой.

Парни с готовностью заржали...

Принесенный спирт на вкус был такой же, какой пил Артем в первый день здесь, – отдавало чем-то химическим и жженой резиной. Он сделал глоток и передал стаканчик Няме. Тот проглотил остальное. При-чмокнул, будто это была конфета.

Морозило. Парни, в легких свитерах и ветровках, не мерзли, казалось, готовы были стоять так, на крыльце, перешучиваясь и поталкиваясь, всю ночь. За дверью слышалась музыка, красивая и нежная, под которую так хорошо обнять девушку, затоптаться с ней на свободном пятачке, приблизить лицо к ее волосам... И Артем не выдержал:

– Ребята, может, внутрь войдем?

Глебыч поморщился:

– А чё там делать? Бабье одно.

– Ну, потанцевать...

– А-а, – догадался Цой, – тебе телку надо. Погнали покажу, кого там... У нас уже разобраны, но выбрать есть.

– Вальку ему, – сказал Глебыч.

Парни опять заржали:

– Валька – само то! Мягкая...

И, ободрительно подталкиваемый в спину, Артем вошел в клуб.

Сразу за дверью был довольно просторный зал. На стенах мигали вразнобой елочные гирлянды, слева стоял кассетный магнитофон, из которого лилось:

Небо урони-ит ночь на ладони-и,
Нас не догонят, нас не догоня-ат!..

В центре зала танцевали несколько девушек, извиваясь друг перед другом, еще с десятков сидело на скамьях.

– Вон та вон, – перекрывая музыку, стал объяснять Глебыч, – с желтыми волосами, в белой кофте. Видишь? Валька Тяпова. А других не надо пока. Мы уже тут забились...

Артем нашел взглядом ту, о которой говорил плотный. Невысокая, но с хорошей фигурой, волосы от огоньков гирлянд золотились, поблескивали. Танцуя, она смотрела с улыбкой в стену, словно там было что-то чудесное... Артему она понравилась.

– И, это, – снова затеребил Глебыч, – может, еще чирик дашь? Чтоб пузырек купить. Забухаем.

Артем достал деньги, отдал плотному десять рублей. Пошел к танцующим. Старался видеть только ту, на которую указал Глебыч. Придумывал, что бы сказать, вспоминал, как вливаются в общий танец. Танцевать-то он почти не умел.

Глава пятая

В первых числах ноября начал давить настоящий, за двадцать, мороз. Он выжигал в не защищенной снегом земле корни и семена; дни были черные, невыносимо грустные, люди с надеждой поглядывали на небо, ожидая, что вот-вот посыплет. Но в небе была лишь серая хмарь, из-под которой еле-еле пробивался красноватый, не слепящий глаза круг солнца.

Девятого подул несильный, но ледяной, достающий даже в самом жарко натопленном помещении ветер; всё живое попряталось, замерло, стараясь переждать, перетерпеть этот ровный поток мертвого воздуха. И через двое суток пытки слегка потеплело, а потом повалил густой, тяжелый снег.

Валил всю ночь и весь день, потом взял передышку и повалил снова, превращая избы в сугробы, ломая слабые ветки деревьев, руша трухлявые прясла, прогибая плахи незашифрованных крыш.

Люди ругались, борясь с завалами; как по болоту, увязая, шли в магазин, в контору и там подолгу обсуждали последствия этого снегопада, которого, как им представлялось сейчас, еще не бывало. Боялись, что пооборвутся провода, что дорога в город станет непроезжей. «Подождем тут все без свету и с голоду!..» Но все-таки стало повеселее, поживее. Наконец-то пришла зима.

Снегопад отсрочил поиски Валентиной Викторовной работы. Казалось, что именно он и мешает начать новый этап жизни, и стоит ему прекратиться, стоит появиться тропинкам, ведущим к школе, клубу, конторе, – она спокойно дойдет, поговорит, сдаст трудовую книжку, и всё наконец-то станет опять стабильно, надежно.

Приезжая сюда в конце лета и осенью, готовясь к переселению, она специально не интересовалась возможностью устроиться здесь на работу. Начнет спрашивать, узнавать, проситься, получит повсюду отказ – и переезжать станет страшно. Куда переезжать? А так... Так оставалась надежда.

В первые дни было не до поисков – не свихнуться бы, выдумывая, как сохранить вещи от холода, каким образом так всё разместить, чтобы избушка, и без того тесная, не превратилась в набитый хламом чулан.

Потом съездила в город, взяла расчет, попрощалась с сослуживицами. Они, кажется, были рады, что Валентина Викторовна уволилась. По крайней мере, не уговаривали остаться... Еще некоторое время после города она оттягивала поход по местным учреждениям, уже более убеждая себя, что у нее очень много неотложнейших дел, чем это было на самом деле. А потом повалил снег.

Четырнадцатого утром наконец-то решилась. Надела лучший свой костюм – сиреневые юбку и кофту натуральной шерсти, выходное пальто и норковую шапку. Осторожно, чтоб не выглядеть вульгарно, подвела глаза, подкрасила губы... Муж сидел на низенькой табуретке, курил, пуская дым в топку, где трещали дрова. Тетка Татьяна покачивалась в своем закутке меж столом и буфетом. Сын полулежал на теткиной кровати здесь же, на кухне, листал какую-то книгу.

– Ну, я пошла, – сказала Валентина Викторовна.

Муж поднял на нее тяжелые красноватые глаза (выпил вчера за ужином и слегка перебрал), качнул головой:

– Угу, давай... А я снег грести... надо.

Тетка и сын не отреагировали вовсе. «Что, мне больше всех, что ли, надо?!» – нахлынуло возмущение, и Валентина Викторовна скорей шагнула за дверь, чтобы не вернуться в комнату, не сесть на задницу, как остальные... Вернуться и сесть очень хотелось. Ведь предчувствовала, что не будет толку от этого похода, да и сил нет никаких. Все силы растратились на нерво-

трепку, на переживания, когда Николая по судам таскали, потом на переезд этот... О Денисе старалась не думать, а то совсем... Написала в сентябре, что у них произошло, дала новый адрес для писем. А до свидания еще больше двух месяцев...

Первым делом направилась в контору, где находился главный в деревне человек – управляющий.

Длинный, амбарного типа дом состоял из коридора, по обеим сторонам которого располагались кабинеты. Бухгалтерия, агроном, почта, участковый, Пенсионный фонд, отделение Захолмовской сельской администрации... Кабинет управляющего оказался в самой глубине коридора. Словно прятался. Но на стук Валентины Викторовны из-за двери прозвучало довольно бодрое:

– Да?

Она заглянула, с улыбкой спросила:

– Можно?

Вошла.

За письменным столом с потрескавшимся лаком сидел мужчина лет сорока пяти. Вполне приличный на вид. Даже в костюме. Перед ним – газета.

– Здравствуйте. – Валентина Викторовна покосилась на стул, но сесть пока не решилась. – Я к вам... Меня зовут Елтышева Валентина...

– Да, да, – перебил управляющий. – Недавно переехали.

– И уже прописались. Всё в порядке... Я вот что хотела у вас узнать...

– Присаживайтесь.

– Спасибо. – Валентина Викторовна села. – Я хотела бы узнать насчет работы.

– М-м... М-да... – Бодрость управляющего мгновенно испарилась, даже веки потяжелели, придавили глаза. – В каком смысле? – Он еще надеялся избежать неприятного разговора.

– Не могли бы вы что-то мне предложить? У меня библиотечное образование, почти тридцать лет проработала библиотекарем.

– М-м... У нас есть, конечно, библиотека. Не были?.. Но там Фаина. Вроде справляется. Кружок ведет для ребятишек.

– Но у нее образование есть?

– Не знаю. Не я ее устраивал – этим отдел культуры занимается. Школой – отдел народного образования.

– А по вашей линии есть какое-нибудь... – Валентина Викторовна запнулась, решила выразиться культурнее: – Есть вакансии? – Но уже почувствовала холодок, пока еще слабый, пробежавший по спине; увериться в том, что работы ей не дадут, не хотелось, не должно было этого случиться.

Управляющий пошевелил плечами, отвел взгляд. Замер. Изображал, что думает. Валентина Викторовна ждала. Управляющий вздохнул, вытряхнул из пачки сигарету, чиркнул спичкой. Прикурил, затянулся и снова замер, глядя в сторону.

– Ну так что? – не выдержала Валентина Викторовна. – Есть? Можно ра... работницей куда-нибудь... или уборщицей. А?

– Да нету у меня мест. Ничего тут не осталось...

– А для мужчин? – быстро, чтобы опередить свое отчаяние, перебила Валентина Викторовна. – У меня сын – двадцать пять лет... И мужу – пятьдесят. Но он... Он в милиции тридцать лет... капитан.

– Ничего нет, – повернулся, придавил взглядом Валентину Викторовну управляющий. – У меня местные без работы. И мужики, и все. Скотники, механики, доярки, трактористы, повара... В том году ферма еще была, а теперь – ничего. Вообще ничего.

– И... и как же здесь жить? – медленно, делая паузы между этими короткими словами, спросила Валентина Викторовна.

– А черт их... Кто на пенсию живет, кто по инвалидности... Пособия на детей, по утрате кормильца... Кому родня помогает, кто уезжает, нанимается в городе, в крае... О-ох-х... – Осторожно, чтоб не порвать, управляющий затушил докуренную до половины сигарету. – Не знаю. Пятый год сижу тут и удивляюсь. Я сам из Енисейска... Повезло вот, сюда посадили. А что делать – черт его знает. Был бы здесь колхоз, может, и что-нибудь можно было поднять, а так... В Тигрицком вон живут, держатся, но они отдельно. А мы же – часть куста. Центр в Захолмове, техника там...

– Я знаю всю эту систему, – перебила Валентина Викторовна, – я отсюда сама. Помню, как колхозы в совхоз объединили, как люди недовольны были... Но я в городе, правда, долго жила... И вот на старость лет... И не нужна, оказалось... – Валентине Викторовне захотелось плакать, но жалобы управляющего остановили слезы.

– Последних тридцать коров в том году в Захолмово перегнали. На ферме когда-то, говорят, больше ста человек работало, а теперь два сторожа осталось – коровники караулят, чтоб шифер не потаскали... Пошивочный был заводик – мешки шили. Сгорел. Поля были какие, даже пшеницу растили... Ничего... Пнем вот сижу тут и думаю.

Валентина Викторовна поднялась и пошла из конторы.

На улице огляделась. Избы вдоль улицы стояли, по окна заваленные снегом, будто брошенные. Но из труб поднимался дымок – значит, там есть люди, там готовят еду, во что-то они одеты, наверняка у них есть просвет пусть в недельном, но все же будущем. А у нее? У ее семьи? Скоплены копейки какие-то, на которые от силы с месяц протянут, а дальше?.. Николая надо посылать пенсию оформлять. Ему положено за выслугу лет... И ей тоже что-то должно... Четыре года до законной пенсии, до пятидесяти пяти лет. Четыре года несчастных. А как их прожить?

Хотела зайти в библиотеку, но не зашла. Толку-то? Там Фаина – хороший, по словам управляющего, работник. Кружок... Направилась в школу.

Двухэтажная, каменная, построенная в позапрошлом веке. Изнутри довольно уютная – большие полукруглые окна, светлые стены, детские рисунки развешаны. Сытно пахнет гречневой кашей.

– Вам куда? – приподнялась с лавочки старушка в синем халате, подозрительно прищурилась.

– Мне к директору.

– А зачем?

Валентина Викторовна покривила губы:

– По личному вопросу. Познакомиться.

– Да?.. А откуда вы?

– Какая вам разница?

– Как это – какая? Моя обязанность за порядком смотреть. Случится чего, – говоря, старушка, мелко перемещаясь, загородила коридор, – случится, и кому отвечать?

– Я... Я хочу просто познакомиться с директором! Гм... – Валентина Викторовна взяла себя в руки, поборол готовый вырваться крик. – Понимаете, я эту школу закончила много лет назад, окончила в краевом центре библиотечный техникум, долго жила в городе, теперь вернулась и хочу познакомиться с директором. Меня зовут Валентина, девичья фамилия – Кандаурова. Мои родители здесь известными были людьми. Тетя... тетя Таня Матасова, до сих пор живет, рядом вон, в двух шагах.

Но старушку эта родословная не впечатлила:

– И что? Уроки идут, нельзя по школе бродить. Директор тоже на уроке. Перемена прозвонит – пушу.

– Понятно...

Валентина Викторовна почувствовала вдруг страшную усталость, даже раздражение на эту в халате прошло. Присела на низкую, для детей, лавочку. Старушка постояла и тоже села.

– А вы не отсюда сами? – спросила Валентина Викторовна; на фамилию «Кандауровы», которую носила лет сорок назад чуть не половина деревни, любая местная должна была как-то отреагировать.

– Я-то? Я из Тувы. – Старушка протяжно вздохнула. – В девяносто третьем переехали. Десять лет почти как... В деревне тоже там жили, в Межегее. Не слыхали?

– Нет.

Тува, в которую некогда стремились разнообразные специалисты (зарплата выше, по службе продвижение быстрее, льготы разные, очередь на жилье быстро двигается), находилась южнее, по ту сторону Саянских гор. Но в конце восьмидесятых, как и во многих республиках Союза, в Туве начались национальные конфликты, и украинцы, грузины, русские – все, в общем, некоренные стали оттуда выезжать. Некоторые, из степных деревень и поселков, бежали почти без имущества, напуганные угрозами перерезать их, сжечь заживо... Большинство оседало в городе, где жили Елтышевы, и было время, как раз году в девяносто третьем, – они шерстили учреждения в поисках мест работы. К Валентине Викторовне тоже заходили женщины с умоляющими глазами. «Не возьмете? Я районной библиотекой заведовала... Я в школьной двадцать лет отработала...»

– Хорошо мы там жили, – говорила старушка, – крепко жили. Бор рядом, и не как тут, сухой, а богатый. Грибов, бывало, косой коси. Бочками солили. Пласт груздей, пласт рыжиков, пласт волнушек, потом опять груздей... И жимолость, и брусника. Зайцев полно. Мой силки ставил, всегда с зайчатинкой были. Собаке варила... Этих, тувинцев, почти не было, а какие были, то смиренные, работающие... А избы какие оставили! Из листвяка, двести лет им стоять... Сараи, завозни, бани – всё срубы. Сосны рядышком, а нарочно лиственень везли с Саян, чтоб не погнило... А как эта вся смута-то началась, так и у нас пошло. Сперва по ночам на лошадях наскакивали, тащили, что плохо лежит, а потом уж и грабить начали, резать. Одетыми спали последнее время...

Старушка говорила и говорила, не интересуясь, слушают ее или нет, а Валентина Викторовна под монотонно-жалостливый голос прокручивала свою жизнь и пыталась вспомнить, были ли там, в прошлом, моменты, когда чувствовала настоящую, ничем не подтачиваемую надежность, не тревожилась за завтра... Нет, конечно, были такие периоды, и многими годами измеряемые, но сейчас они не вспоминались. Точнее, не вспоминалось это ощущение надежности.

– ...И решили мы выезжать. Всей деревней решили. А дворов под сотню было. Машин мало добро вывозить, у кого что продать – так кому продашь? Куда? Все трогаются... У меня сын с семьей при мне, а дочь давно уж там, в ихней столице, в Кызыле, жила. Теперь в Шушенском... И вот сперва мы к ей, а оттуда уж сюда кое-как. Сын домишко брошенный тут нашел, купил у сельсовета. Подлатал... Обжились. Потихоньку новый дом поставили. Теперь ничего, а первое время ох тяжело было... И тут нас обокрали первым делом, мотоцикл угнали. Прямо с ограды. Так и не нашелся. Сын плакал... А муж-то мой там лежит, в Межегее. Помер в восемьдесят восьмом еще, не увидел всех наших страданий. О-ох... Что с могилкой его, и не знаю. А деревня снится каждую ночь почти. И бор, и горы, и всё... А здесь другое совсем...

Валентину Викторовну из услышанного задела два слова – «машина» и «обокрали»... Надо с Николаем насчет машины поговорить – будет налаживать, не будет? И с гаражом что делать? Продать и то и другое или как? Что-то надо решать. И воровство... Тетка тоже сколько

раз говорила: воруют страшно. Их пока, слава богу, не трогали, но если машину перегонят – вполне ведь могут...

Старушка посмотрела на висящие на стене часы и, вздыхая, поднялась. Нажала кнопку; глухо, как алюминиевый, затрещал звонок.

– Идите на второй этаж, – сказала Валентине Викторовне, – и там по левую руку первая дверь. Звать ее Ольга Петровна.

Ольга Петровна была высокой, крупной, моложавой женщиной. Представительной.

Приняла Валентину Викторовну с приветливой улыбкой, обнажившей металлические коронки на передних зубах. Усадила, предложила чаю.

Мягко, с благодарностью отказавшись, Валентина Викторовна похвалила школу – уютно, тепло, светло. Сообщила, что сама родом отсюда, но жила в городе. А потом, набравшись духу, спросила, есть ли у них свободное место, добавила: отработала тридцать лет в библиотеке, прекрасно знает русскую литературу...

Лицо Ольги Петровны поскущнело, вместо улыбки появилась горестная гримаса, углы губ загнулись, внизу щек появились мешочки.

– Ничем, к сожалению, помочь не могу, – сказала. – Химики у нас нет, но ведь вы же не химик... И я ничего в этих цепочках не понимаю... Нет, все штатные должности заняты. Года бы три назад... Тогда у нас почти никого не было, мне приходилось и историю всю вести, и географию, и труд. А сейчас поняли люди, что нечего им искать лучшего – хоть и две тысячи зарплата, но лучше, чем ничего... Одна из Захолмова каждый день приезжает, учительница физики, а это тридцать километров почти в один только конец. И вот мотается...

Снова зазвенел звонок. Директор поспешно вскочила:

– Простите, мне на урок. Седьмой класс. Кошмар прямо какой-то – каждый раз сражения.

Валентина Викторовна, кивая, направилась к двери. Директор шла чуть сзади, горевала:

– Совершенно неуправляемые. И ничего на них не действует. Вы же, говорю, сейчас фундамент жизни своей закладываете, ведь с вами там дальше никто нянчиться не будет... Ничего! На ушах стоят, девочки хуже парней. В восьмом, в девятом приходят в себя, но часто поздно уже... У нас школа-то девятилетняя. Лет семь как переформатировали. Бывает, кто хочет полное среднее получить, – или в город едут к родне, или в Захолмово. Двух-трех мы тут до аттестата довели – заочно, так сказать. Комиссия из районо приезжала. Экзамены такие, что прямо как в МГУ. Но ничего, не подвели ребята, сдали. Сейчас, правда, здесь. Денег нет поступать... А насчет работы... Не знаю, что и посоветовать. Совсем с этим неблагополучно у нас. Но если вдруг что, то я, конечно...

Домой вернулась разбитой, выжатой. Будто палками отходили. Хотелось лечь на диван и лежать, лежать.

А дома – гостя. Сидит нарядная, лет сорока, светло-русые волосы, располагающее лицо. Даже в таком своем состоянии Валентина Викторовна почувствовала к ней симпатию. Или захотела почувствовать. Может, симпатию не к ней именно, а к той надежности, что от нее исходила.

Гостя сидела за накрытым к чаю столом, напротив нее – Николай. Сына на кухне не было, тетка, как обычно, покачивалась на своей табуретке, смотрела на гостью, не понять – враждебно или с интересом.

– О, вот и Валя! – как-то облегченно обрадовался муж. – С ней надо обсудить...

Гостя метнула на Валентину Викторовну быстрый, но цепкий взгляд, за секунду всю ее осмотрела, оценила и заулыбалась. Приподнялась.

– Здра-авствуйте, Валентина! – подала руку.

Валентина Викторовна неумело пожала ее – здороваться за руку не привыкла. Вернулась к двери, оббила снег с сапог. Стала снимать пальто.

– Это вот соседка наша, – заговорил Николай. – Елена... М-м?

– Можно без отчества.

– Елена Харина. Они с мужем на соседней улице живут...

– У нас пятеро детей, – подхватила гостя. – Старшему пятнадцать, а младшей, Анюте, три с половиной.

– А всё говорят, рождаемость падает. – Валентина Викторовна включила чайник. – У вас пять детей, у Юрия, у Карпова, – шесть. Еще, слышала по многу есть... А вы местные?

– Да не-ет, вы что! Из Братска. Половина добра еще там.

– Ясно. Что-то одни приезжие. И управляющий, и техничка в школе...

Гостя согласно закивала:

– Приезжих много. И я представляю, каково вам сейчас. Сами так же... У вас хоть вот бабушка есть. – Короткая улыбка в сторону тети Тани. – А у нас никого знакомых не было. Пальцем ткнули и приехали. Наши корни – и мои, и мужа – с Урала. Родители оттуда. По комсомольской путевке ГЭС строить рванули. А мы теперь оттуда выбираемся. Совсем там... Ни цивилизации, ничего.

Щелкнул, вскипев, чайник. Валентина Викторовна с усилием встала.

– Чай будете?

– Да я уже напилась. А, налейте еще. Вкусно ваш Николай чай заваривает...

– А Артем где? – спросила Валентина Викторовна мужа.

– Ушел. Сказал, погулять.

– Я вот что пришла, – заговорила Елена, дождавшись, когда Валентина Викторовна снова устроилась за столом. – Познакомиться, конечно, но и предложить помощь. Понимаем, как это – с нуля почти всё начинать... Мы с вашим мужем вот поговорили... Вы ведь строиться, конечно, будете. Как вам здесь всем... – Оглядела тесную, низкую кухню. – Перекантоваться только первое время. Так вот. У нас директор лесопилки в Захолмове приятель. Доски, брус, горбыль – всё может по себестоимости уступить. И насчет цемента есть каналы. Цемент-то вообще бешеные деньги стал стоить! А у нас есть выходы... Бензопилы у вас, вот Николай сказал, даже нет. А как в деревне без бензопилы? Мы можем свою уступить. У нас две. Вторая должна прийти в контейнере в феврале. По-товарищески уступим. Да? И с кормами... Ведь будете же свиней заводить, корову, наверно. Здесь без своей скотины не выжить. Корм тоже помочь можем брать. Так-то с ним беда, а нам удалось контакты наладить. Не знаю, как бы на ноги мы поднялись, если бы всё по рыночным ценам пришлось...

У Валентины Викторовны не хватало сил слушать гостью – много сегодня на нее и без этого излилось монологов, вообще тяжелый получился день, – но то, что незнакомый человек вдруг пришел и предлагает свою помощь, вообще обратил на них внимание, пусть наверняка и небескорыстно, радовало. Тепло стало на душе, забрезжил впереди просвет. Ничего, пройдут эти первые месяцы, устроятся, смогут... Протянула руку, накрыла ладонью лежащий на столешнице кулак мужа. Сжала ободряюще.

Глава шестая

Зиму переживали. Трудно, иногда казалось, что не выдержат, задохнутся в этом домике-склепе, перегрызут друг друга – теснота порождала ссоры, обостряла раздражение. Но – все-таки как-то переживали. Помогала тетка Татьяна.

Она просыпалась часов около семи и начинала шевелиться. Медленно одевалась, долго тщательно умывалась, осторожно тренькая штырьком умывальника. Растапливала печь, кипятила воду (электрочайником не пользовалась), пила чай, тоже долго и тщательно, вприкуску с хлебом, словно бы в этот момент набираясь сил на весь дальнейший день; и действительно, в течение дня она почти ничего не пила и не ела... Потом ходила проведать кур, отрывала листок висевшего на стене календаря и читала, надев очки, что там написано на обратной стороне листка. Готовила завтрак.

И ее медленное, но упорное, каждое утро продолжающееся существование заставляло и Елтышевых вставать с кроватей, умываться, что-то делать. Преодолевать очередной приближающий их к весне – освобождению – день.

После Нового года, который постарались отметить с полным вкусом еды столом, стало появляться на небе солнце, и мороз уже казался не таким мертвящим... Артем все больше пропадал за оградой, гулял, возвращался поздно вечером в основном трезвым, и родители, видя, что ему неплохо, не спрашивали, где он был, с кем. Не пьяный, без синяков, довольно веселый – и ладно. Значит, нашел приятелей, встретил тех, с кем неплохо проводить время. Какой-никакой, но выход.

С февраля Николаю Михайловичу стали приносить пенсию за выслугу лет. Гроши, конечно, мелочь оскорбительная, но все же хоть что-то. На питание – крупу, макароны, мясо, чай, сахар, консервы – хватало. Картошки и солений у тетки Татьяны было запасено прилично – даже не верилось, что это она, еле передвигающаяся, нарубила целую кадку капусты, насолила с полсотни банок огурцов и помидоров, спустила в подпол картошку, морковку, редьку, свеклу, бруснику засахарила, варенья наварила. И никто ей, говорила, не помогал, единственная помощь – огород по весне трактором вспахивали.

Как только начал сходить снег, в начале марта, Елтышев отправился разбираться с машиной. Жена заставила – всю зиму напоминала, что надо что-то решать – или ремонтировать, или продавать; иногда от ее слов Николай Михайлович готов был вспылить, ответить резко, но понимал, что она по существу права.

Приехал в город, покурив на площади автовокзала, привыкая к многолюдью. За зиму был здесь всего два раза – оформлял пенсию, скрепя сердце встречался с бывшими сослуживцами, собирал справки.

Сейчас тоже дело предстояло неприятное, снова нужно было просить, что-то обещать, от кого-то зависеть...

Мелкие поломки Елтышев исправлял сам. Особенно легко было ремонтировать первую машину, «трешку», – всё просто, понятно. А с этим «москвичом» двадцать первым измучился. Сдуру купил, поддавшись кратковременной, но напористой моде на этот автомобиль, клюнув на внешнее удобство, современный дизайн. И вскоре присоединился к большинству тех, кто проклинал эту модель. То одно полетит, то другое, и даже профессиональные механики диву даются, как там всё неудобно, хитроумно – не разберешься, не подлезешь... За те три года, что у Елтышева был этот «москвич», кажется, все уже ломалось. Последней поломкой стал мотор...

В киоске купил жетончик для таксофона и позвонил знакомому механику УВД. Тот иногда помогал с ремонтом машин участием или советом.

Механик оказался дома, удачно был свободен от дежурства и домашних дел и согласился посмотреть, что там с «заразой». Все машины он называл заразами, да и правильно – большая часть его жизни была отдана тому, чтобы их налаживать. Все эти изъезженные «жигули», уазики, «газели»...

Огибая дорогие сердцу участки родного города – тяжело было оказаться там гостем, – Николай Михайлович направился к своему гаражу.

Гаражи в их городе образовали своеобразные кварталы – выделялись территории, большие участки на окраинах кооперативам; постепенно вокруг появлялись дома, и их жильцы, кому не повезло купить готовый гараж рядом, получали землю на новой окраине.

Тот кооператив, в котором состоял Николай Михайлович, находился неподалеку от центра – кооператив был старый. Взносы приходилось платить немалые, но зато и председатель работал всерьез: обнес территорию металлическим забором, у единственного въезда поставил вышку-сторожку. За те почти десять лет, как Елтышев владел здесь гаражом, раза два-три всего слышал про кражи, да и то – не машины угоняли, а по мелочам: снимали аккумуляторы, утаскивали разные запчасти, каких немало хранится в гаражах. Но по дороге Николаю Михайловичу представилось, что сейчас подойдет и обнаружит ворота взломанными, а «москвич»... И странно, страха не появилось, даже захотелось, чтобы машину действительно угнали, гараж разорили. Худо-бедно, но выход. И не надо ломать голову, как и на какие шиши ремонтировать (той тысячи, что лежала в кармане, наверное, хватит, но это ведь не последний ремонт, а тысяча на сегодняшний день – последняя)... Перегонит в деревню, нужно будет срочно строить гараж (опять же, на что?), а без гаража через пару лет ржавчиной изойдет – и так уже по низу кузова есть эта рыженца... Конечно, жалко терять гараж – последняя зацепка здесь, в городе, – но придется. Другого выхода нет. По крайней мере ради денег продать. Опоганенный ворме, продать его будет наверняка не так жалко. Избавиться.

Но дежурящий возле тяжелого шлагбаума охранник, сперва поглядевший на Николая Михайловича с подозрением, узнал и заулыбался, жестом пригласил проходить. И этим развеял странные желания Елтышева: нет, здесь всё надежно.

Начались справа и слева плотные ряды бетонных коробок. Тоже надежных, крепких, как бункеры... Сам Николай Михайлович никогда гаражей не строил, но технологию знал хорошо (много лет, имея машину, но не имея гаража и места под него, готовился строить).

Сперва выкапывается глубокий, но не широкий котлован. Большинство людей его бетонируют, а некоторые забирают досками-сороковками, лучше всего листовыми. Получается погреб. Кое-кто плюс к погребу делает и смотровую яму. Дальше сколачивают опалубку и заливают раствором стены. Для раствора надо покупать цемент, привозить песок, щебень, соединять это все в бадье, тщательно перемешивать и, загружая в ведра, переливать внутрь опалубки. По несколько сантиметров выше, выше... Конечно, блатные и в советское время пригоняли бетономешалки, нанимали людей для строительства, но в основной массе мужики корячились сами, в одиночку, месяцами.

Главное было – крыша. Одни стелили плахи, другие – стальные балки, покрывали толем, засыпали глиной или опять же заливали бетоном. У кого возможность была – топили гудрон; были и те, что клали шифер. В общем, каждый по-своему старался сделать крышу наиболее герметичной. Протекающая крыша – самая большая проблема владельца. Тем более что течь может не только явно – из трещины капает; самое подлое, когда влага напитывает сначала крышу, затем стены, заражает ржавчиной лежащие на полках детали, запчасти, автомобиль, сползает в подвал...

В конце же строительства бетонировали пол, навешивали ворота, выводили из подвала воздухопроводную трубу, ставили печку, протягивали проводку. Приводили электрика, который подключал гараж к ЛЭП.

Да, не строил Елтышев этот гараж, не было связано с ним никаких историй, особых проблем, кроме того, что несколько лет назад заменил провисшие обитые листовым железом ворота на цельнометаллические (хоть и тепло не держат зимой, зато открываются легко, долговечные), не прикладывал к его содержанию больших усилий, но сейчас, бродя по нему вокруг промерзшего «москвича», оглядывая стеллажи с разными, в основном ненужными, вещами, бросовой мелочевкой, вдыхая запах холодной пыли, цемента, чувствовал себя вернувшимся чуть ли не домой. Но уже почти и не в свой дом, который скоро нужно будет оставить навсегда... Ведь как, действительно?.. Нужно, никуда не деться, продавать гараж и строиться в деревне. Бруса купить, кирпича, цемента. Еще одну зиму им в избенке не пережить.

Николай Михайлович открыл машину, сел за руль. Поехался. В салоне было морозно... Да, промерзла... Чтоб немного согреться, закурил... А сыновьям что оставит? Артем – с ним более-менее, он наверняка так и будет при них. Вряд ли когда повзрослеет. А Денис... Вернется Денис, и куда? Так хоть гараж здесь будет, сказать ему: вот, это твое имущество, извини, что так получилось. Но хоть что-то...

От этих сбивчивых, панически-хаотичных мыслей Елтышеву захотелось зарычать и садануть со всей мочи по рулю. Каким-то зверем, огромным, сильным себя чувствовал, но попавшим в капкан, из которого не выбраться. И рвись не рвись, что хочешь делай – не поможет.

– Хэй, есть кто живой?

Николай Михайлович вздрогнул. От неожиданности, конечно. Затыкал окурок в пепельнице, полез из машины.

– Здорово! – встретил механик; на нем был темно-синий милицейский бушлат, на голове – спортивная шапочка. На плече висела старая вместительная сумка, в которой, Елтышев знал, лежат ключи, тестеры, еще разные профессиональные инструменты.

– Здорово, здорово, Сереж.

– Ну, чего опять у тебя?

– Да вот...

Николай Михайлович засуетился, включая свет в гараже, открывая капот; объяснял оправдывающимся тоном, что, мол, сначала застучало, а потом мотор заклинил, уже смотрели, но не специалисты, а он, Сергей, он ведь мастер, золотые руки... И одновременно вспоминалось, как, когда Елтышев служил, этот Сергей перед ним заискивал. Ну, может, и не особо заискивал, но вот такие вопросы: «Чего опять у тебя?» – не задавал. Да попробовал бы только...

Глава седьмая

Весна осваивалась медленно, с натугой. То, казалось, укреплялась, распускала по земле живые нити, то хирела, исчезала, гибла в новой волне морозов.

В городе война весны с зимой и не замечалась почти, лишь самые важные моменты – вот с крыш закапало, вот снег сошел, трава полезла, вот полопались почки и деревья покрылись зеленоватой словно бы пылью. А в деревне была заметна, важна-необходима любая мелочь. И ждала эту весну Валентина Викторовна, как, пожалуй, никогда раньше, даже в детстве.

За почти полгода здесь приятельниц у нее не по-явилось. Да и у мужа приятелей тоже. Разве что Юрка, который часто заходил, присаживался в пороге, курил, рассказывал, какая летом тут благодать, с готовностью включался в планы Николая насчет строительства – «Да мы такие хоромы отгрохаем! Я помогу, Михалыч, ты что! Давай-ай...» – а перед уходом просил «тридцатничек» в долг. Иногда Николай давал, и тогда Юрка расцветал, тут же предлагал «посидеть, раздавить пузырек», а когда следовал отказ в деньгах, надувался, будто его обманули, не заплатив за выступление положенный гонорар...

У Юрки было шестеро детей – четыре мальчика и две девочки, от тринадцати до четырех лет. Сам он после закрытия фермы нигде не работал, жена мыла полы в магазине. «На что живут?» – часто недоумевала Валентина Викторовна и пыталась высчитать: жена получает в лучшем случае тысячи полторы плюс детские деньги (семьдесят рублей в месяц), может, еще как-то родственники помогают, хотя вряд ли, может, что-то Юрка наштабашивает, что тоже маловероятно. На сколько-то, наверное, продают осенью картошку скупщикам. И как, пусть даже на три тысячи в месяц (да нет, какие там три тысячи? меньше), прокормить, одеть всю эту ораву?

Несколько раз она видела Юркиных детей. Старшая, тринадцатилетняя Лида, выглядела на свой возраст, сложена была пропорционально, а уже следующий, одиннадцатилетний Павлик, ростом, фигуркой смахивал на восьмилетнего-девятилетнего; остальные тоже были низкорослыми, щуплыми, с туповатыми лицами... «И что из таких получится?»

Тех, с кем выросла здесь, кого знала еще до отъезда на учебу в педучилище, Валентина Викторовна почти не встречала. Да и немудрено – без малого сорок лет прошло. Но все-таки было не по себе: казалось, все они вымерли от какой-то страшной чумы или холеры, а немногие оставшиеся были точно заболевшими или переболевшими совсем недавно – вялыми, равнодушными до неодушевленности. Валентина Викторовна начинала было рассказывать им о своих бедах, о том, что вот на старости лет приходится всё начинать сначала, а они механически кивали, уныло вздыхали и смотрели мимо ее глаз, куда-то в пустую даль. И прощались также бесцветно, как здоровались, продолжали медленное передвижение по улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.